

Максим Евсеев

Скучная, скучная сказка

Повесть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Евсеев

Скучная, скучная сказка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Евсеев М. С.

Скучная, скучная сказка / М. С. Евсеев — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

История поиска человеком своего пути и самого себя в этой жизни через фантазию. История графомана, который пишет сказки, чтобы самому их прочитать. История того, кто не имея сил идти по жизни самостоятельно, отправляет в путь выдуманных героев, чтобы двигаться по их следам. Содержит нецензурную брань.

Глава I

“Осень прошлась по городу босыми своими ногами, коснувшись крыш, окон, мостовых и везде оставляла мокрые следы. Осень изменчивая и стремительная, осень рыжая насмешница, делала вид, что пришла надолго, но в любой момент была готовая сорваться с места и нестись дальше по своим делам. Ей было все равно кто придет вслед за ней и придет ли вообще, но у старого Огюстена уже начинало ломить спину, а это означало, что приближается зима и скоро весь его мир изменится. Весь мир Огюстена... Он был невелик, с тех пор как старик перестал ходить: всего лишь вид из окна, всего лишь кусочек двора, кусочек соседней крыши покрытой красной черепицей и окно в доме напротив. Небольшое круглое оконце, в котором ни разу и тени не промелькнуло, сколько Огюстен его помнил...”

– Артем. – Мария тронула его за плечо и заглянула в экран ноутбука. – Небольшое оконце? – хмыкнула она и подняла глаза на улицу. Там через дорогу виднелось старое здание в стиле модерн с большим круглым окном – А, по-моему, это окно несоразмерно большое и за ним какой-то актовый зал. Тебе и впрямь стоило бы чаще выходить из дома. В Петербурге полно прекрасных зданий, а ты описываешь то, что через дорогу.

– Мне кажется, что каждый писатель должен, время от времени, наделять магическими свойствами те вещи и здания, которые его окружают. – Артем нервно пошевелил головой, потому что новая прическа Марии, касаясь шеи, вызывала жгучее желание чесаться.

– Тебе не нравится? – спросила та и приготовилась обидеться

– Нравится! – отчеканил Артем, тоном, не то судьи, не то полководца. – Очень нравится! – Просто щекотно.

– Тогда ладно. – ответила она снисходительно. – А почему Огюстен? Что у него с ногами? Что ты пишешь? Детектив? Он сыщик, как Мегрэ? Только того звали Жюль...

Мария засыпала Артема вопросами, и одновременно тормошила его за волосы и обнимала. Она была младше Артема, но тетёшкала его, как ребенка.

– Нет, это будет сказка.

– Сказка? – она была разочарована. – Этого никто не станет читать, и ты опять станешь брюзжать, что никому не нужен и рваться в дворники.

– Дворник – это прекрасное ремесло. – Артем собирался было начать философствовать, но Мария его перебила.

– Я не против, чтобы ты подметал улицы. – согласилась она. – Ты, по крайней мере, станешь чаще бывать на свежем воздухе. Но все-таки, почему ты не хочешь написать детектив? Или фантастику? Почему сказку? Кому это нужно. Дети теперь уже не читают сказки, они смотрят их в кино и на смартфонах.

Чудная Мария не ругала его и ни в коем случае не смеялась. Она искренне хотела, чтобы Артема читали, как можно больше людей. Пусть ему за это не платят, пусть его книги не стоят на полках книжных магазинов, но он, по крайней мере, чувствовал бы себя нужным. И потом ей и вправду нравилось, как он пишет. Но сказка! Это очередной шаг к унынию и хандре неоцененного писателя в интернете.

– Знаешь ... – Артем задумался. – Мне кажется она нужна мне. Я очень хочу сам прочитать эту сказку.

– А о чем она будет?

Могло показаться, что девушка разговаривает со своим младшим непутёвым братом. Только брат этот был сед, лысоват и прихрамывал.

– Я пока не знаю. Я ведь ещё не написал её. – улыбнулся Артем.

– Вдруг она тебе не понравится?

– Тогда я её исправлю. Сотру и напишу заново.

– Я в магазин. – Мария упорхнула в коридор и шуршала оттуда пакетами. – Тебе купить что-нибудь к чаю?

Артем пожал плечами и покорно кивнул своим мыслям.

– Пусть это будут пряники. – сказал он не громко и уткнулся в клавиатуру. А за его спиной негромко закрылась входная дверь.

“– Пусть это будут пряники! – весело проговорил Огюстен и поставил на стол тарелку с засохшим хлебом.

– Пусть будут пряники. – согласилась Мари и с готовностью присела к столу. – Добрый мой Огюстен, а нельзя ли нам к пряникам, немного кофе?”

Сказка начиналась слишком печальной, но разве не так должны начинаться сказки? Артем тряхнул головой пытаясь отбросить сомнения и продолжить писать, но воображаемые герои умолкли и в голове не осталось ни звуков ветра в холодном камине, ни голоса прелестной малышки Мари, ни кашля самого Огюстена. Там остались только вопросы и ехидные замечания, то ли самого Артема, то ли язвительных критиков.

“Пряники? Хм... А в какой стране ты решил поселить своих героев? Судя по имени, твой Огюстен – француз. Или бельгиец... Ты уверен, что во Франции девятнадцатого, скажем, века, голодные девочки с прелестным именем Мари, мечтали именно о пряниках, а не о круассанах? А в Бельгии? Что ты про нее знаешь?” – надрывались ушлые критики.

Артем растерянно опустил руки. Если он начнет копаться в быте и кулинарии девятнадцатого века, то он не сдвинется с места, он просто утонет в фактах событиях и ингредиентах, проверяя каждую мелочь и пытаясь свести их воедино. Пройдет столько времени, что его герои, просто умрут с голоду. И он уже не сможет слышать их голоса.

“Но почему я сказал именно пряники?” – подумал про себя Артем. – “Я ведь ничего о них не знаю. Более того, я не люблю пряники, но я попросил Марию, купить именно их. Значит мои герои хотят пряников. Значит в этом все дело! А может это я теперь хочу пряников? Сколько всего интересного может произойти, если по-настоящему чего-то захотеть. Особенно, если захотеть пряников.” – и Артем заулыбался, чувствуя, что сказка, пока ещё робкая и наскоро придуманная, начинает обретать вкус и характер. – “А заодно, я разузнаю что-нибудь про пряники.” – посетила его совсем уж нелепая мысль.

Глава II

Артем проснулся от того, что кто-то напевал в коридоре скользя босыми ногами по линолеуму. Или это ему снилось? А ещё ему снился небольшой французский городок недалеко от Орлеана, который готовился встретить Рождество.

– Мария? – спросил Артем, хриплым спросонья голосом.

– Ты опять заснул? – Мария заглянула ему в лицо, заглянула в монитор, на котором светился абсолютно чистый лист, заглянула в каждый угол кухни, проверяя, наличие тараканов, которых ужасно боялась и остановила свой взгляд на окне.

– Идет снег. – сказала она тихо и торжественно. – Первый снег. Скоро зима.

Она открыла дверь холодильника и снова закрыла его.

– Почему ты ничего не написал? – спросила Мария и тут же добавила. – Я, впрочем, тоже хороша, я не купила пряников. У меня, оказывается, нет денег. Я набрала целую корзинку продуктов, а на кассе заглянула в кошелек и поняла, что там пусто. Представляешь, как мне было стыдно? Я почти расплакалась от обиды, а какой-то мужчина предложил оплатить мои покупки, но от этого я уже окончательно расплакалась и попросила не трогать мои пряники и пообещала за ними вернуться.

– Что ты пела? – спросил Артем.

– Это старинная французская песня.

И Мария опять стала напевать, что-то ужасно знакомое. Потом она стала рассказывать про то, как ещё в музыкальной школе, подобрала эту мелодию на слух и как восхищались её

учителя. Как они хвалили её и ставили всем в пример, а сама Мария только плакала, потому что на самом деле она не подбирала, а сочиняла её. И ей было ужасно обидно, что Чайковский уже сделал это до неё.

А в голове Артема было снежное утро и двое его героев, которые так и не смогли выпить горячего кофе.

– Посмотри, Мария, – Огюстен прижал к себе девочку. – Пошел снег. Знаешь, что это значит? – То, что наступила зима, дядюшка Огюстен. – И нам надо думать о том, как пережить её. – Это значит, дитя мое, что мы уже пережили осень и нам осталось не так уж долго ждать, наступления весны.

Он закашлялся и стал стягивать с себя теплый платок, чтобы укутать маленькую Мари...

– Как-то слишком печально. Тебе не кажется?

Мария положила голову на плечо Артёма и читала текст с монитора.

– Печально..., – согласился Артем. – Но ведь это сказка, они всегда печальные. Даже если финал у них счастливый, то начинаются они всегда тревожно.

– Не всегда! И потом, тревожно и печально – это не одно и то же. Такое ощущение, что ты ...

Мария защелкала пальцами, пытаясь подобрать слова. Она уже не касалась подбородком плеча Артема, а кружила по кухне, готовясь побольнее уязвить его самолюбие.

– Ты заранее начинаешь давить на жалость. Ах посмотрите, какие несчастные у меня персонажи: калека, который не может ходить и маленькая девочка. Им предстоит пережить зиму, в доме у них холодно и черствый хлеб заменяет им пряники. Тебе не стыдно?

Она тряхнула головой, подбоченилась и, сощурив глаза, впиалась в него взглядом.

– Ты не собираешься в магазин? – поинтересовался Артем.

– Хочешь меня сплавить? А денег-то, все равно, оказывается, нет. – Хорошо же тебе жалеть выдуманных героев. А когда самому придется вместо пряников лопать сухари, что ты тогда напишешь?

– Я напишу ... – Артем задумался. – Я напишу HELP ME, на какой-нибудь картонке и пойду просить милостыню в переходе.

– Тебе ни копейки не дадут, здоровому такому дядьке. А кстати, почему твой Огюстен не может ходить? Это какой-то ужасно избитый штамп. И разговаривают они, как-то не по-человечески...

– Мари ...

– Я – Мария! Зачем ты назвал эту девчонку моим именем? Почему они вдруг мерзнут? Почему голодают? Почему... Почему вообще все?

Последним вопросом Мария выразила полное свое неудовольствие и даже топнула ногой от досады, подчеркнув решительный свой настрой.

– Давай по порядку. – Артем прикурил сигарету и пересел из-за стола на подоконник, чтобы оказаться лицом к лицу с молодой девушкой. Правда теперь он не мог смотреть на улицу, где красиво падал снег и через дорогу пропадало в белой пелене загадочное круглое окно дома напротив. – Ты подходишь к этой истории с обычными бытовыми мерками, а это сказка – особый жанр в литературе. В ней нету полутонов, нет полихромных персонажей и ситуаций. Мачеха – злая, Золушка – добрая и работающая, Бабушка у Красной Шапочки – старая и лежит в кровати и никого это не удивляет! Это не требует объяснения.

– Нет, это не совсем так! – Мария присела к компьютеру, и застучала по клавиатуре. – Ага! – сказала она через несколько секунд. – У Шарля Перо написано, что бабушка была больна и поэтому лежала в кровати. Ясно тебе?

– А чем она болела, там не написано? – спросил Артем со злостью. – А как она жила одна, если даже не вставала? Как питалась одним пирожком и горшочком с маслом? Как в туалет ходила? Под себя? Тебя это не интересует? Потому что читатели Шарля Перо триста лет, спо-

койно без этих подробностей обходились. – он затаился и несколько секунд смотрел в окно не выдыхая дым. – В сказке, мне кажется, – Артем посмотрел на Марию. – Не важны подробности. Важно настроение рассказчика, сказочника и под это свое настроение он подгоняет сюжет.

Мария замолчала, понимая, что дальше разговор может превратиться в скандал.

– У тебя плохое настроение? – спросила она.

– Я не знаю. Я для этого и затеял всю эту историю. Может она поможет мне разобраться.

Они оба не заметили, что на кухне стало темно и стоило бы зажечь свет, но огонька сигареты, то разгорающегося, а то затухающего им по-прежнему хватало.

“ Было это давным-давно, когда одна война закончилась, а другая ещё не началась, в то далекое время, которые потомки назовут второй империей...”

– Артем! – Мария не выдержала и снова вмешалась. – Ты же повторяешь Гайдара. Первые строчки из Сказки про Мальчиша.

– Не мешай мне пожалуйста! Уже вечер, а я еще не написал ни одной страницы. У Гайдара не так начинается. Перечитай, если не веришь, а я пока продолжу.

Он опять вернулся к ноутбуку, но печатать ничего не стал.

– Ну вот, сбился ... – выдохнул Артем и пошел к выключателю, чтобы зажечь в кухне свет.

В его этом выдохе не было злости, не было раздражения или отчаяния, а только констатация факта.

– Ты не знаешь, что писать? В этом все дело?

– Не знаю. – согласился Артем. – Но это не главное. Мне надо начать... А потом будет проще...

– погоди, – Мария уселась за стол напротив Артёма. – Давай сначала представим читателю, твоих героев. Кто они и где живут?

Артем на минуту задумался и сначала медленно, а потом все быстрее застучали клавиши под его пальцами.

“... Жили в одном маленьком городке Питивье, что недалеко от Парижа, а ещё ближе к Орлеану, старый Огюстен Воже и маленькая Мари. Городок этот был знаменит тем, что где-то в этих местах, монах Григорий Макар научил французов печь рождественские пряники, старый Огюстен Воже был знаменит своими рассказами о всех войнах в которых он принимал участие, начиная от битвы при Ватерлоо и заканчивая осадой Севастополя, а маленькая Мари была знаменита своим чудесным голосом и чудесной же своей красотой. Впрочем, учил ли монах Григорий печь пряники, рецепт которых привез из далеких земель, действительно ли Огюстен Воже видел двух императоров Наполеонов, я судить не берусь, но ни древнему городу, ни храброму ветерану, это не приносило больших прибытков. Жители Питивье вместе со всей Францией переживали не лучшие времена, а старому Огюстену его рассказы о прошлых его подвигах не могли обеспечить даже кружки пива в ближайшем кабаке папаши Кошена, не говоря уже о пенсии о которой он так давно хлопотал. И только о красоте и голосе Мари я могу с уверенностью утверждать, что равным им не было ни в Питивье, ни в Орлеане, а может даже и в самом Париже. Правда она пока была ещё совсем крошкой, но в будущем... Хотя до этого будущего надо было как-то дожить, а топить в маленькой коморке под крышей нечем было уже больше недели, да и из самой каморки хозяин грозился их выгнать за неуплату. Беда, как известно, никогда не ходит одна: сначала французскому императору Наполеону III отказала военная удача, а потом старому Огюстену Воже отказали ноги и ему стало не под силу поднимать тяжелую шарманку и стоять с ней на рыночной площади, пока Мари поет своим прекрасным голосом. Впрочем, и стоять-то было без толку, у жителей маленького городка уже не было лишнего су для старого шарманщика и его воспитанницы. Говорили, что в Париже ещё остались богачи, но где это самый Париж и как до него добраться, если ноги, застуженные во время последней военной компании, совсем перестали слушаться ветерана. Те немногие накопления,

что удалось сбересть, давно уже кончились, все что можно было продать, было продано и остались лишь награды Огюстена за все его военные компании, маленькая табакерка, якобы подаренная великим Наполеоном и старая шарманка.

– Мари, дитя мое, – прошептал шарманщик. – Видно пришло время...

Он закашлялся и сунул руку в глубь старого военного плаща. Туда, к самой груди, где хранилось единственное его сокровище, маленькая серебряная табакерка, с которой он не расставался ни на секунду, лишь изредка доставая её, когда рассказывал о своей встрече с Наполеоном: “... и тогда император коснулся моей щеки и громко произнес – “Смелее, мой мальчик! С такими храбрецами, как ты, я завоюю весь мир!” и подарил мне эту вещь.” После чего Огюстен поднимал табакерку повыше, чтобы каждый посетитель в кабачке папаши Кошена мог видеть её и тотчас убирал свое сокровище назад, не раскрывая, поскольку табака там давно уже не водилось.

– Отнеси эту вещь папаше Кошену. Он давно положил на неё глаз, но я не хотел продавать. Да видно теперь уже пора. Напомни старому скряге, что её держал в руках тот, чей портрет висит у него над камином и что, дав за нее меньше ста франков, он оскорбит этим самого императора!

И с этим напутствием, данным ей Огюстеном, вся в слезах, маленькая Мари взяла серебряную вещицу, и забыв запахнуть теплым платком, выскочила на улицу и побежала в сторону городской ратуше, рядом с которой находилось заведение папаши Кошена...

Мария с улыбкой смотрела на Артема.

– Да, наверное, так лучше. – сказала она. – Получается так как ты хотел – очень печально.

– Я не этого хотел. – поморщился тот, как от мигрени.

– А по-моему, именно этого. – не сдавалась Мария. – Ты хотел, чтобы читателям стало грустно. Так же грустно, как и тебе. Чтобы они захотели пожалеть твоих героев, и чтобы им стало жалко тебя...

– Мне не нужна жалость! Ни их ни твоя!

Артем тяжело поднялся из-за стола и, хромя, заходил по кухне, натываясь на стулья и прочую мебель.

– Какой мне толк от того, что кто-то меня пожалеет? Здоровее я от этого стану? Или богаче? Я помру может завтра и мне будет абсолютно плевать, пожалел кто-то моих героев или нет. С чего ты решила, что мне самому их жалко?

– Никакого. Но тебе зачем-то это нужно. – Мария была спокойна, на грани равнодушия. В её лице появилась несвойственная ей до этого момента холодность. – Ты не обижайся, многие писатели грешили тем же. Вспомни того же Достоевского с его Мальчиком у Христа на елке. Я не знаю зачем тебе нужно. Тебе самому надо разобраться. – Мария прислушалась к чему-то далекому. – Ты уверен, что допишешь эту сказку?

Артем оторопело замер посреди кухни и через секунду на пол упал задетый им стул.

– Я не знаю...

И он стал поднимать опрокинутый стул. Но тот никак не хотел становиться на свои четыре ножки и сколько Артем не пристраивал его на пол, стул все равно норовил завалиться на бок.

– Пойми меня, – бормотал Артем. – Я же не писатель. Меня, в отличие от Достоевского, не торопит издатель, мне никто не заплатит ни копейки за мою графоманию. Какая мне разница, допишу я эту сказку или нет? Мне интересен процесс.

Стул все никак не хотел стоять ровно и Артем, все больше раздражаясь, то ли на стул, а то ли на Марию начал повышать голос доходя почти до крика.

– Какое мне дело что и кто подумает, если я, скорее всего, об этом не узнаю. Считаю, что мне просто скучно.

– Артем, не кричи. – Мария приложила палец к губам. – Ты не один. В коридоре кто-то есть.

Глава III

И действительно, в ту же секунду дверь приоткрылась и из коридора на кухню зашел человек.

– Здравствуйте! – поздоровался он весело, но в то же время настороженно. – Извините, если помешал. Вы репетируете?

Человек этот был высок, черноволос и одет по-зимнему, из-под его локтя выглядывал ещё один. Этот, в свою очередь, был мал ростом, лопоух и вид имел вопрошительный.

– Артем Александрович, вы извините, что побеспокоили, но у вас новый сосед. – проговорил маленький, показав глазами на высокого.

Высокий же, сразу после этих слов, сам уже спешил представиться. Впрочем, делал это вальяжно и до неприятности обаятельно.

– Сергей. – проговорил он почти басом. – Или, как изволит меня называть Виктор Тимофеевич, – на этих словах он кивнул в сторону своего спутника. – Сергей Дмитриевич.

Он протянул было руку для пожатия, но на ней висел объёмный целлофановый пакет. Со смехом и извинениями Сергей Дмитриевич начал снимать его с руки и искать для него место на полу или каком-нибудь стуле. Ещё один пакет уже стоял в углу, а через плечо у вновь прибывшего висела дорожная сумка среднего размера. Началась обычная для таких ситуаций неловкая суета, во время которой Артем беспокойно переводил глаза с одного мужчины на другого, а те, в свою очередь, мешали друг другу разобраться с пакетами, сумками. Наконец они оба наткнулись на сломанный стул и после недолгих и бессмысленных попыток привести его в горизонтальное положение и попыток водрузить на него пакеты, пришли наконец к выводу, что он, все-таки сломан.

– Он сломан, по-моему.. – сказал наконец высокий Сергей Дмитриевич.

– Кажется сломался. – робко предположил Виктор Тимофеевич.

Эта новость, ерундовая, надо сказать, новость, кажется, здорово расстроила вновь прибывших. В глазах у Сергея Дмитриевича появилось выражение некоторой досады, а у Виктора Тимофеевича, даже нечто похожее на страх. Впрочем, скорее всего это Артем был так раздосадован внезапным появлением двух этих визитеров, так некстати было их вторжение на кухню, что приписал свое настроение незванным гостям.

– Александр Македонский тоже был великий полководец, а зачем же табуретки ломать? – процитировал высокий, потеряв наконец всякую надежду поправить как-то стул.

Широко улыбувшись, он стал доставать из пакетов продукты и ставить на стол или в холодильник. Это был привычный набор, который покупал каждый поселившийся в квартире на перекупном переулке. Тут была непременно бутылка водки, хлеб, сыр, колбаса и пельмени. Были и привычные извинения, обещание не стеснить, просьбы разрешить поставить или подвинуться, вопросы о месте работы и месте учебы, приглашения разделить трапезу и даже выпить совместно рюмку-другую.

Артем сложил ноутбук и собирался было отправиться в свою комнату, но в проёме кухонной двери уже стоял Виктор Тимофеевич, призывая Сергея Дмитриевича осмотреть свою комнату и после очередной порции шуток и бессмысленных уверений в неизменном почтении, они оба скрылись в глубине коридора, откуда слышались долго ещё слышались их голоса. Артем почувствовал внезапный и беспричинный приступ усталости, сердце его застучало и появилась одышка. Он тяжело опустился на стул.

“Ну, вот...” – подумал он про себя. – “Ещё один приехал. Интересно, надолго он?”

Сейчас, хорошо бы поговорить с Марией, но её нигде не было. Ни на подоконнике, ни за столом... Она пропадала, если появлялись другие люди.

“Другие люди...” – прозвучал у Артема в голове её голос. – “Другие люди... люди..., но другие... люди.”

– Конечно, – пробормотал Артем устыдившись. – Они другие, но тоже люди. Не такие, как ты... Как я...

– Простите, Артем Александрович, вы текст повторяете?

За его спиной стоял Виктор Тимофеевич.

– Да, Витя... В смысле, нет... -Артем беспокойно оглянулся. – Чего случилось?

– Вы, наверное, знаете уже, что у нас изменения опять в плане и вашу смену перенесли?

Тон у Виктора Тимофеевича был взволнован, полон нерешительности, заботы и невероятной деликатности, а на лице его блуждала застенчивая улыбка.

– Да, мне звонила уже ... – Артем защелкал пальцами. – Аня. Аня её ведь зовут? Я все никак не запомню.

– Ага... Там сцены переделали и что-то убрали. Но ваши-то не тронут. – Витя замахал руками, показывая, что сама мысль о том, что у Артёма могут сократить сцены кажется ему абсурдной.

Впрочем, Артем уже знал, что сцену все-таки сократили, ему по этому поводу уже звонили.

– Просто Марта Борисовна спрашивает, взять ли вам билет на поезд, раз смена переносится? – Виктор Иванович в очередной раз улыбнулся. – В смысле, она просила, чтобы я спросил у вас, надо ли вам взять билет на поезд?

– Нет, Витя, я останусь в Питере...

Виктор Тимофеевич, не изменив ничего в лице, продолжал смотреть на Артема.

– Витя, мне не обязательно сейчас ехать домой, я останусь.

– Останетесь? – переспросил Виктор Тимофеевич. – Ну тогда я не буду брать билеты?

– Нет, не надо.

– Ну, ладно, тогда. Я вам тогда скажу, когда они разберутся с КПК. Я вам тогда Артем Александрович позвоню... – Витя ещё раз вздохнул. – Или Аня позвонит.

– Хорошо, Витя.

– Или Руслан ... – Виктор Тимофеевич ещё раз вздохнул. – А вы тогда здесь будете ждать?

– Да.

Неизвестно сколько ещё мог продолжаться этот разговор, но на кухне появился Сергей Дмитриевич и Артем получил возможность уйти, объяснив свой уход нежеланием мешать. С ноутбуком под мышкой, не торопясь, он брел по коридору, заглядывая, по привычке, в каждую комнату. Его была самая дальняя со стеклянной раздвижной дверью. Положив компьютер на кровать, он присел рядом и задумался. Что-то не давало ему покоя. Вырезанная из сценария сцена? Появление соседа? Нет, было что-то ещё... Может быть Мари? Она выбежала из дома, продавать табакерку старого Огюстена.

“Грязь на улице замерзла или высохла, и она могла бежать, не боясь наступить в лужу. В голове её звучали напутственные слова “береги эту вещь Мари! Никому не давай её в руки. Даже папаше Кошену, пока не получишь от него сотню франков! Помни, в этой табакерке наша последняя надежда...” И бедняжка маленькая Мари изо всех сил прижимала к груди эту надежду. Ещё чуть-чуть и она повернет на городскую площадь, а там рукой подать до кабачка папаши Кошена. Самой малости не хватило маленькой Мари, чтобы добежать до городской площади. Она всё-таки поскользнулась. И ладно бы, если бы она упала плашмя. Пускай! Пускай бы ушиблась, пусть бы ей было больно, она и тогда бы не выпустила из рук волшебную табакерку. Но она так быстро бежала, что, споткнувшись, перекувыркнулась через голову. И когда весь мир у неё перед глазами встал с ног на голову, она растерялась и схватилась руками за края юбки. Мари всего лишь секундочку позволила себе перевести дух и тут же стала искать

табакерку. Сначала только провела руками рядом с собой, но не найдя её, перевернулась на четвереньки и стала искать и руками, и глазами, и подле себя и везде куда могла дотянуться взглядом. Не было драгоценной табакерки!

– Что это вы ищите, милое дитя?

Раздался чей-то голос совсем рядом. Мари совсем немножко подняла глаза и увидела странного господина невысокого роста, который держал в руках серебряную табакерку.”

– Артем? Извините, что беспокою, но мы с Виктором Егоровичем хотели бы вас пригласить за наш столик, так сказать.

В приоткрытой двери была видна фигура высокого мужчины с черными вьющимися волосами. Он чего-то хотел от Артема, но Артем не мог понять, чего именно от него хотят и что за человек стоит в его дверях.

– Может быть по рюмочке? – пояснил наконец свою мысль этот странный человек.

И Артем потихоньку стал возвращаться в реальность.

– Ну, если за компанию. – ответил он вежливо и закрыл ноутбук.

Глава IV

Забавная с ним происходила вещь: Артем в подробностях выучил этот небольшой коридор ведущий на кухню, мимо двух дверей в комнаты слева, и трех дверей на улицу, в ванную и туалет, по правую руку. Когда он шел из кухни к себе в комнату, коридор проходил перед его глазами во всех подробностях. Артем уделял внимание каждой мелочи и запоминал каждый нюанс, вплоть до скопления пыли в воздухе, видя в его узоре, каждый раз, нечто новое. Но вот когда он шел на кухню, то коридор сливался в одну сплошную серую линию или пропадал вовсе. Он либо тянулся бесконечно, либо проваливался во времени и пространстве, и Артем попадал из комнаты в кухню просто так, в один шаг, без коридора. То же самое происходило и с кухней: завтра она будет казаться бесконечной, как путешествие Орфей в Аид и обратно, а сегодня она была похожа на скучный набор слайдов с нудным звуковым сопровождением.

На первом слайде, заскучавшие было Виктор Тимофеевич и Сергей Дмитриевич радуются появлению нового собутыльника. Сергей Дмитриевич, на правах хозяина стола, ведь водка и закуска куплены на его деньги, наполняет рюмки до краев и хаотично двигает по столу нехитрую снедь, предлагая всем не скромничать.

На втором слайде, тот же Сергей Дмитриевич рассказывает свою историю появления в городе на Неве.

– Позвонили прямо в театр и сказали, что меня вызывают на пробы в Санкт Петербург.

Сергей Дмитриевич отставляет так и не выпитую рюмку и прикуривает сигарету, показывая этим, что рассказ предстоит обстоятельный.

– Я не знаю утвердят ли меня... – он кивает на Виктора Тимофеевича, как на человека к этому, несомненно, причастного, но тот всем видом изображает уверенность в том, что не утвердить не могут и что если это и произойдет, то он лично пойдет к генеральному продюсеру и употребит все свое влияние и весь свой авторитет, чтобы это недоразумение исправить. – Но сам факт того, что меня Сергея Донцева, артиста витебского театра пригласили в Питер – название города он выделяет особо, уже заразившись противостоянием двух столиц и подчеркивая, что свой выбор в этом противостоянии уже сделал. – Говорит о многом. За меня переживает весь театр. – Сергей Дмитриевич выпивает, но не торопиться закусить колбаской. – А наверное и весь город. – добавляет он задумчиво и опускает вилку с колбасой, так и не закусив.

На третьем слайде можно увидеть, как слово берет Виктор Тимофеевич и рассказывает свою историю прихода в кинобизнес. Тут звук можно выключить вовсе, потому что актеры каждый раз приезжают разные и история у каждого своя, а Витя рассказывает одно и то же. И закончив свою биографию, он, осмелев, кладет руку на плече Артёму и начинает рассказывать его историю.

– Вот Артема Александровича лично, можно сказать, утверждал. Не один. Конечно! – он пытается понизить голос до баса, но это получается скорее комично. Это Виктор Тимофеевич понимает и показывая, что рад посмеяться над собой добавляет ещё, закашлявшись якобы от чрезмерных усилий. – Но! – он поднимает над головой скрюченный палец. – И мое мнение не последние.

Это неправда и все об этом знают. И Витя знает, что все об этом знают и любит пошутить по этому поводу. Он последний человек на студии и встречать актеров на вокзале, покупать им билеты – его основная служебная обязанность. А посидеть с ними за рюмкой, перекусить их немудрящих командировочных харчей – его нечастая в жизни радость.

– Так, – провозглашает Сергей Дмитриевич. – Баки пустеют. Там в холодильнике вроде есть ещё запас. Думаю, мы можем позаимствовать, как вы полагаете, Артем Александрович?

И они почему-то уставились на него. Артем недоуменно переводил взгляд с ассистента на актера, пытаясь понять, чего именно от него ждут.

– Я говорю, что у нас водка закончилась. – обратился к Артему Сергей Дмитриевич, очень подробно выговаривая каждую букву. – Вы не против если мы у вас позаимствуем, а я завтра перед отъездом возьму?

Странно они смотрели на Артема, странно с ним разговаривали. Может дело было в выпитом, но сам-то он помнил, что вроде как не пил. Он только поднимал рюмку и возвращал её на стол, нетронутой. Значит пьяные – они. От того и ведут себя так странно. Но чего они хотят от него сейчас он понимал смутно. Все было, как в тумане. Как будто он хмелел вместе с ними. Артем попытался промогаться и это немного помогло.

– Если в холодильнике есть водка, то вы, конечно, берите. – проговорил он и почувствовал, что голос подсел. Он откашлялся и добавил. – Здесь же проходной двор: ребята приезжают на день-два, ужинают и ... – он усмехнулся. – и оно скапливается. Я думаю, что возражать никто не станет.

Все заулыбались. Эта новость обрадовала и высокого актера из города Витебска и маленького ассистента по актерам и даже, как ни странно, самого Артема. Но далее слайды стали сменяться хаотично и Артему захотелось увидеть Марию. Ему надо было поговорить с ней о чем-то, и о чем-то спросить. Он не был уверен, но Мария наверняка знает о чем именно. Она наверняка знает почему он вдруг почувствовал себя так плохо, почему ему так грустно и одиноко, почему ему хочется одновременно и лечь на пол и взлететь над городом. Она знает все что происходит с Артемом и её надо непременно найти. Это нехорошо, что она прячется где-то в темноте большой квартиры и не хочет быть вместе с ними за столом. Он должен привести её и усадить за этот прекрасный и в то же время убогий стол. Но стол станет гораздо лучше, он будет не так тошнотворен, если за этим столом будет сидеть женщина. Особенно такая умная и красивая, как Мария.

Выбраться из кухни оказалось задачей не совсем тривиальной, но после неловких касаний, столкновений с мебелью и стенами, под ободряющие комментарии присутствующих и с общей бестолковой суматохой, это наконец удалось, и Артем побрел по коридору. Опять слева поплыли три двери и справа проплывали тоже три. И в каждую заглядывал Артем и в каждой зажигал свет и искал Марию. И нигде её не было. А вот в своей комнате не зажег он света, и именно в его комнате она его и ждала.

– Почему ты прячешься здесь? – спросил Артем. – Пойдем я познакомлю тебя со всеми.

– Нет, Артем. Я не могу пойти с тобой к гостям. – отказывалась Мария и не хотела объяснить почему.

А Артем долго её убеждал, приводил аргументы, хватал за руки и обещал Бог весть что. Так ему было важно, чтобы именно сейчас, чтобы именно эти двое, которые сидят теперь на кухне увидели, какая его Мария красавица, какая она умница и как она поет, и читает стихи... Но ничего не выходило и Мария не хотела идти на кухню, что было чрезвычайно обидно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.